

Молодёжный роман

Два погоса,
но одно притяжение

СВОДНЫЕ

Ты не для меня

Нюта
Царёва

Нюта Царёва

Сводные. Ты не для меня

<https://litres.ru/74238459>

Аннотация

— Ты мне отвратителен, Кай! — Серьезно, Снежок? — Сводный брат ухмыляется, скрестив руки на груди. — Ты так говоришь, будто пришла не для того, чтобы переспать со мной. — Ты хуже, чем я думала, — бросаю в ответ, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди. — А ты чего ожидала? Что я просто так сорвусь спасти твоего отца? Что меня тронет твоя жалостливая мордашка? — Я думала, что в тебе есть хоть капля совести, — все же получается сказать ровно. — Но ты просто трус! Улыбка Кая исчезает. Всего на секунду. — Осторожнее, Снежок, — голос его становится опаснее. — Ты не в том положении, чтобы бросаться словами, за которые придется ответить. История Виктора - Право тебя любить История Тихомира - Будешь моей, Должница

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Кайрат	7
Глава 2 Мэри	14
Глава 3 Мэри	20
Глава 4 Кайрат	28
Глава 5 Мэри	35
Глава 6 Кайрат	42
Глава 7 Мэри	48
Глава 8 Кайрат	54
Глава 9 Мэри	62
Глава 10 Кайрат	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Пролог

— Ты мне отвратителен, Кай!

Я смотрю на него, пытаюсь сдержать дрожь в голосе. Ненавижу, что он видит мою слабость. Ненавижу, что мне вообще пришлось прийти к нему. Ненавижу... этот взгляд. Горящий, прожигающий до самых костей, с вызовом, с интересом.

Брат ухмыляется, скрестив руки на груди, и эта ухмылка выводит меня из себя еще сильнее. Наслаждается тем, что я в отчаянии, что мне нужен именно он.

— Серьезно, Снежок? — его голос насмешливый, холодный, такой самоуверенный, что я сжимаю кулаки. — Ты так говоришь, будто пришла не для того, чтобы переспать со мной.

— Ты хуже, чем я думала, — бросаю в ответ, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди. — Хуже, чем можно представить!

— А ты чего ожидала? Что я просто так сорвусь спасти твоего отца? Что меня тронет твоя жалостливая мордашка?

Я делаю шаг ближе, заглядываю в его глаза и вижу в них что-то, что злит еще больше. Это не равнодушие, не презрение — это интерес. Он изучает меня. Наслаждается тем, как вывел из себя. Я ненавижу его. Ненавижу так, что мои пальцы дрожат от злости. Ненавижу так, что в груди горит странное чувство — не страх, не обида... Что-то опасное, что я

даже себе не разрешаю назвать.

— Я думала, что в тебе есть хоть капля совести, — все же получается сказать ровно. — Но ты просто трус!

Улыбка Кая исчезает. Всего на секунду.

— Осторожнее, Снежок, — голос его становится тише, но от этого он только опаснее. — Ты не в том положении, чтобы бросаться словами, за которые придется ответить.

— А ты не в том, чтобы смотреть на меня сверху вниз, — парирую я и складываю руки на груди. — Ты просто боишься сделать что-то правильное. Что-то хорошее. Мудаком быть куда приятнее, да?

Он медленно качает головой, усмехается и смотрит на меня так, что внутри все скручивается в тугий узел. Как можно смотреть так... нахально? Так, будто он знает что-то, чего не знаю я?

— Я не боюсь ничего, — говорит он, оскаливаясь. — А ты?

Я не отвожу взгляда, даже когда он делает шаг ближе. Даже когда расстояние между нами становится слишком маленьким, чтобы дышать спокойно. Грудь сдавливает от нехватки воздуха. Взгляд Кая — это пламя, от которого хочется отпрянуть, но я стою. Упрямо, с вызовом, зная, что он наслаждается этим противостоянием.

— Если бы боялась, не пришла бы к тебе, — отвечаю, сжав челюсть, хотя внутри все дрожит.

Он смотрит на меня долго. Слишком долго.

— Назад дороги не будет, Снежок, — хриплый шепот касается моего лица, сбивая остатки решительности.

— Я не из тех, кто отступает, — гордо вздергиваю подбородок.

Кай на секунду замирает, а потом резко улыбается. Настолько холодно, что меня бросает в дрожь.

— Посмотрим, кто первый сдастся.

Глава 1. Кайрат

Кайрат

Стою на ринге, а в ушах гудит от напряжения. Пацаны кричат, подбадривают, кто-то стучит по канатам. Тренер Антон Сергеевич орет с угла:

— Кай, ты что, спишь?! Руки выше держи! Не проваливайся!

Кажется, что голос пробивает мне барабанные перепонки, но я киваю и сжимаю кулаки еще крепче. Усталость накатывает волнами. Я толком не спал ночью — вчера был нелегальный бой. Еще одни быстрые деньги. Брату надо платить за реабилитацию, и я не могу позволить себе расслабиться. Вчерашняя победа была важной, но сейчас тело напоминает, что все имеет свою цену. Каждый удар отдается тупой болью в мышцах, ноги будто налиты свинцом.

Руслан, мой противник, идет в атаку, но я слишком хорошо его знаю и читаю движения как открытую книгу. Он делает шаг вперед, слишком предсказуемо замахивается — два шага в сторону, контрудар, и противник падает. Зал взрывается криками, кто-то из пацанов стучит по канатам, остальные свистят и хлопают.

— Хорошо, Кай! — кричит тренер. — Но слишком расслабился в защите. Ты что, бессмертный?

Расплываюсь в усмешке и киваю, прекрасно понимая, что

мог выложиться лучше. Если бы не эта чертова усталость... Антон Сергеевич продолжает ворчать, но я уже вытираю лицо полотенцем и делаю несколько глубоких вдохов. Пот стекает по спине, майка прилипает к телу, а ноги будто ватные. Я бросаю взгляд на пацанов. Они радуются, как будто это их победа. Протягиваю руку Русу, он поднимается.

— Тебе просто повезло, — бурчит недовольно. — В следующий раз я тебя...

— В следующий раз, — перебиваю я, улыбаясь, — сначала научись твердо стоять на ногах.

Пацаны начинают ржать, Руслан недовольно фыркает и уходит в сторону. Мне хочется присесть хотя бы на минуту, но тут в зал врывается кто-то из младших:

— Кай, к тебе пришли! Женщина! Шикарная такая! Присит поторопиться.

Одобрительный свист разносится по залу, а я недоуменно нахмуриваюсь. Никого не жду вроде...

— Женщина, говоришь? — язвительно скалится Рус, мой противник не только на ринге. — Это, случайно, не твоя подруга, Кай?

— Слышь, завидуй молча, — отмахиваюсь я, бросая в него влажное полотенце. Внутри поднимается любопытство. Кто это может быть?

Вздохмачиваю короткий ежик волос, делаю глоток воды и направляюсь к двери. Может, это какой-то спонсор? Или снова кто-то хочет предложить бой на стороне? Тренер бро-

сает мне вслед:

— Эй, Кай, ты куда?! Тренировка еще не закончена!

Я оборачиваюсь:

— Сейчас вернусь, Антон Сергеевич, — расплываюсь в улыбке. — Нехорошо заставлять женщину ждать.

Он хмурится, но ничего не говорит. Хорошо, что пока не знает, где я был вчера. Если узнает... Лучше об этом не думать.

Коридор кажется длиннее обычного. В груди растет легкая тревога, но я стараюсь не показывать виду. Спускаюсь в зал для посетителей и сразу ее вижу. Женщина, лет сорока, с идеально уложенными волосами и в дорогом пальто. На фоне облезлых стен интерната она выглядит так же нелепо, как пиджак на тренере. Морщится, едва заметив меня.

— Это ты и есть? — произносит так, словно я грязь под ее ногами.

Я лишь усмехаюсь. Да, пахну потом, и что? Душ принять не успел, спешил на встречу. Ее презрение сквозит в каждом жесте. Впрочем, мне плевать. Я вижу таких, как она, насквозь: пустые, самодовольные. Только блеск и холод внутри. А у меня внутри гулкое раздражение. Я уже не ребенок, чтобы унижаться перед кем-то.

— Кто ты и что тебе нужно? — спрашиваю прямо, скрестив руки на груди. Пусть сразу поймет, что я не из тех, кто прогибается.

— Меня зовут Луиза. Я... — запинаясь на мгновение,

покусывая темно-бордовые губы. — Я жена твоего отца.

Эти слова бьют сильнее, чем любой апперкот. Несколько секунд смотрю на нее, стараясь осмыслить услышанное. Отец. Тот самый, который ушел, захлопнув за собой дверь, когда я стоял рядом с матерью, пытаюсь понять, почему он нас бросает. Помню, как она плакала ночами, а я сидел с младшим братом, который тогда только научился ходить. Помню, как мы считали каждую копейку на ее лекарства, а отец... просто исчез. Тот, кто оставил меня разбираться с больницей, долгами, братом.

— У меня нет отца, — отвечаю резко, а внутри начинает бурлить вулкан из негативных эмоций. — Он умер для меня семь лет назад. В тот день, когда ушел и бросил нас с матерью.

Луиза хмурится, но продолжает:

— Закир очень болен. Нужна пересадка костного мозга. Ты его единственный кровный родственник. Больше никого нет.

Я не выдерживаю и смеюсь. Сначала тихо, а потом громко, надрывно. Луиза морщится сильнее, явно недовольная моей реакцией. Где-то в груди поднимается странное чувство — смесь злости, обиды и даже злорадства. Но я тут же давлю его.

— Ты серьезно? — спрашиваю, утирая слезы. — Тот человек, который добровольно разрушил мою жизнь, теперь нуждается в моей помощи? Ты пришла просить меня спасти

его?

Луиза пытается сохранить спокойствие.

— Я знаю, что он виноват. Но он умирает. — В ее голосе явно читается напряжение. — И я готова заплатить. Большую сумму.

— Деньги? — повторяю я, презрительно усмехнувшись. — Думаешь, можно все купить? Нет, спасибо. Как-то я жил без ваших грязных денег, проживу и дальше. Скатертью дорога.

Я уже готов развернуться и уйти, но тут мой взгляд цепляется за фигуру у дорогой машины, припаркованной у входа. Белокурая девушка стоит с телефоном в руках. Ее кожа словно фарфоровая, волосы — длинные, гладкие, так блестят, что солнце отражается от них. Я задерживаю взгляд: светлые локоны и эта невинно-дерзкая поза выглядят так, будто она сбежала из какого-то идеального мира, не имеющего ничего общего с моим. Она не выглядит как те, кто обычно сюда заглядывает. Черное пальто подчеркивает осиную талию, а перчатки с жемчужными вставками словно кричат о ее привилегиях. Все в ней какое-то неправильное для этого места — слишком чистое, слишком дорогое, слишком недостижимое. Но чем-то она меня притягивает. И это неожиданно раздражает.

— Это кто? — спрашиваю, кивая в ее сторону.

Луиза мешкает, но все же отвечает:

— Твоя сводная сестра. Ее зовут Мэри.

Какая прелесть. Сводная сестра. Еще один удар, но уже не такой сильный. Значит, нас с братом заменили на эту девчонку. Неприятно царапает где-то внутри, а я думал, давно перегорел.

Изучаю девушку, пытаюсь понять идентифицировать свои эмоции. Потом перевожу взгляд на Луизу.

— Пойдем провожу до машины.

Она что-то бурчит себе под нос, но следует за мной к выходу. Я останавливаюсь, когда мы почти подходим к машине. Луиза едва не сталкивается с Мэри, которая от неожиданности роняет телефон. Я не могу удержаться и злобно смеюсь:

— Ну, здравствуй, Снежок.

Она резко поднимает голову, ее голубые глаза сверкают от гнева.

— Меня зовут Мэри! — фыркает она, поднимая телефон. Не успеваю сдержать ядовитую улыбку.

— Оставь это имя для своих холопов, мне нравится Снежок, — нарочно дразню ее, рассматривая внимательнее. — Может, позвать мамочку, чтобы заступилась?

Ее лицо заливает румянец, и я вижу, как пальцы сжимаются вокруг телефона. Отлично, задел. По внутренностям растекается удовлетворение.

— Ты всегда такой мерзкий? — тихо спрашивает Мэри, но в ее голосе звучит сталь.

— Для таких, как ты, да. — Настроение внезапно поднимается, а в голове зреет гениальный план, как проучить эту

парочку зазноб. — Не переживай, Снежок, я не кусаюсь. Пока.

Она надменно закатывает глаза и садится в машину, демонстративно не замечая меня. Луиза лишь хмуро кивает, а я снова смеюсь, глядя на них обеих.

— Ладно, я подумаю, — говорю, обращаясь к Луизе. — Но только если твоя дочь сама попросит меня о помощи. Как следует. С уважением и почтением.

Киваю на землю перед собой, демонстрируя, как меня надо упрашивать.

Глаза Луизы вспыхивают яростью. Она молча садится в машину, оставляя меня стоять на холодном асфальте с легким чувством победы. Мэри оглядывается в окно, ее взгляд ледяной, но в нем есть что-то живое и обжигающее. Что-то, что все еще держит меня. Снежок припечатывает к стеклу дерзкий фак, а я улыбаюсь, довольный произведенным эффектом.

Глава 2 Мэри

Мэри

Мы едем в машине. Мама сидит рядом, пальцы мертвой хваткой сжимают телефон, и она что-то цедит сквозь зубы. Ее лицо — перекошенное, со сжатыми губами и нахмуренными бровями — выглядит так, будто она сейчас взорвется. У меня в груди неприятно щекочет тревога. Отворачиваюсь к окну, пытаюсь отвлечься, но ощущаю, как злость матери наполняет все пространство. По инерции начинаю теревить манжету свитера, чтобы успокоиться.

— Вот же сучонок малолетний, — шипит мама наконец.
— Что только возомнил о себе?

Слова неожиданно цепляют меня. Я никогда не видела маму такой. Обычно она холодна, спокойна, а тут словно потеряла контроль. Из-за него? Из-за этого мальчишки из интерната? Сама мысль раздражает. Почему он? Почему так важно было приехать?

— Зачем мы вообще приезжали? — спрашиваю, стараясь скрыть свое волнение.

— Этот гаденыш должен стать донором костного мозга для твоего отца, — отрезает мама резко, не удостоив меня взглядом.

— Почему именно он?

— Потому что он его сын, — говорит с таким видом, будто

это что-то само собой разумеющееся.

Я моргаю, пытаюсь осмыслить ее слова. Меня бросает в жар, как будто это какой-то страшный сон.

— У папы есть сын? — переспрашиваю я, чувствуя, как внутри все сжимается.

— Даже два. Но он с ними не общается.

— Почему?

— Я не знаю подробностей. Что-то с женой бывшей не поделили. Закир отказался от родительских прав. — Ее голос становится раздраженным, будто мои вопросы мешают ей концентрироваться на злости.

— Почему вы никогда не говорили об этом? — продолжаю я, чувствуя, как внутри поднимается волна обиды.

— Зачем? Они чужие друг другу люди. Все, — как ножом отрезает мама.

Я отворачиваюсь к окну. Чужие друг другу люди... Эти слова звучат как-то странно и застревают в голове, словно заноза. Как дети могут быть чужими? Теперь я знаю, что у меня есть два брата, и это знание никак не выкинуть из головы.

— Как его зовут?

— Кайрат.

— Он согласен помочь? — спрашиваю после долгой паузы, уже догадываясь об ответе.

— Нет. Слишком много хочет. — Мама снова стискивает телефон так, что я слышу легкий треск пластика.

— Что? — Я едва сдерживаюсь, чтобы не повысить голос.

— Чтобы ты унижалась и умоляла его о помощи.

Вспоминаю дерзкий взгляд, самодовольную ухмылку, и внутри все переворачивается. Почему я? Почему он требует этого от меня? Но, прежде чем я успеваю задать вопрос, мама сама отвечает.

— Потому что он сволота охреневшая, — шипит она, сжимающая челюсти.

— Если от этого зависит жизнь папы, я готова, — шепчу тихо, хотя уверенности совсем нет.

— Нет. Ни за что моя дочь не будет унижаться перед этим нищевродом. — Ее голос становится таким резким, что я вздрагиваю.

— Мама! — пытаюсь донести до нее, насколько это важно.

— Я все сказала. Закрыли тему, — ставит финальную точку в споре.

Я вздыхаю и снова отворачиваюсь к окну. Этот парень, Кайрат... Да, он хам. Противный. Но почему его взгляд не выходит из головы? Холодный, дерзкий, опасный, как лезвие. Это не взгляд мальчишки, это взгляд человека, который привык драться за свое. Невольно кусаю губу, вспоминая, как он усмехнулся, когда я уронила телефон. Самоуверенный, наглый, будто весь мир ему что-то должен. Почему он так задел меня?

— Куда мы сейчас? — спрашиваю, чтобы отвлечься.

— В больницу, а завтра в детский дом. Проведаем второго

сына, — отвечает мама, не поворачивая головы.

— Думаешь, это хорошая идея? — осторожно интересуюсь.

— Да мне плевать. Главное, чтобы Закир выжил. Ты даже не представляешь, сколько денег стоит на кону. Я не собираюсь снова побираться. — Ее слова звучат мерзко и неприятно.

Я глубоко вздыхаю. Мама всегда такая — материальная, холодная. Ее ничего не интересует, кроме денег. Это иногда так больно, но я уже привыкла. У меня есть танцы. Там я могу быть собой, хотя приходится скрывать свое настоящее увлечение. Я занимаюсь современными танцами с элементами классического балета, гимнастики и боевых искусств. Паркет — это единственное место, где я чувствую себя живой.

— Высади меня на остановке. У меня репетиция, — прошу осторожно, чтобы не навлечь на себя агрессию.

— Нет бы с отцом посидела... Одни танцульки на уме, — ворчит мама.

— Я посижу. Приеду после репетиции, — спокойно отвечаю.

Она закатывает глаза, но все же велит водителю сделать крюк. Я благодарю дядю Мишу и бегом поднимаюсь в здание. Репетиция началась пять минут назад.

— Простите за опоздание, — просачиваюсь в класс.

— Мансурова, бегом на разминку, — коротко бросает хо-

реограф.

Вливаюсь в поток и выдыхаю, оставляя все проблемы в раздевалке.

Репетиция выжимает из нас все соки. После тренировки мы лежим на полу без сил, уставившись в потолок. Юлиана, моя близкая подруга, переворачивается на живот и смотрит на меня.

— Ты где была? — спрашивает она.

— В интернате. С братом знакомилась...

— У тебя есть брат? — Она удивленно хмурится.

— Ага, сводный. Представляешь? — усмехаюсь я с горечью.

— Не очень. — Юлиана хмыкает. — И как он?

— Гад. Самовлюбленный, наглый, хам. В общем, полный набор. — Внутри до сих пор бурлит злость от нашей встречи.

— Забей. Давай посмотрим видео, мне Димка скинул сегодня. — Юлиана садится и начинает копаться в телефоне.

— Что там интересного? — подтягиваю колени к груди.

— Бои без правил. Очень крутой замес.

— Фу, ты же знаешь, я не люблю такое, — морщусь и произвольно отшатываюсь. Вообще не очень понимаю прелести избивать друг друга до полусмерти. Еще и с особой жестокостью.

— Да ладно, одним глазком посмотришь, и все, — настаивает она, улыбаясь. — Я обещала Димке, а одной стремно как-то.

— Ладно, давай. Все равно не отстанешь, — сдаюсь я, закатывая глаза.

Юлиана подсаживается ближе и включает видео. Атмосфера на ролике не способствует релаксу. Сначала я смотрю рассеянно, чуть ли не с закрытыми глазами, но потом что-то в кадре цепляет мое внимание. Парень на экране выглядит слишком знакомо. Слишком...

— Подожди... — говорю я, чувствуя, как сердце начинает стучать быстрее. — Перемотай чуть назад.

Юлиана удивленно смотрит на меня, но перематывает. На крупном плане лицо. Его лицо. Я вскакиваю с места, выхватывая у нее телефон.

— Это он! — выдыхаю я, не веря своим глазам.

— Кто он? — Юлиана смеется, но ее смех быстро сменяется любопытством.

— Это мой сводный брат! — Я прижимаю телефон к груди, пытаюсь справиться с нахлынувшими эмоциями. — Боже, я просто не верю. Он дерется на таких боях... Придурок!

— Ну, выглядит он круто, — добавляет Юлиана, ухмыляясь. — Такой дерзкий.

Я смотрю на экран, не в силах оторваться. Внутри все переворачивается. Злость, обида, любопытство — все смешалось. Этот парень точно не дает мне покоя.

— Дерзкий — это еще мягко сказано, — шепчу я, чувствуя, как где-то внутри поднимается странное острое чувство. И я не знаю, нравится мне это или нет.

Глава 3 Мэри

Мэри

На такси приезжаю в больницу к отцу. Мама разговаривает с врачами, а я вхожу в палату. Внутри гулкое напряжение, словно воздух становится тяжелее. За окном мелькают машины и серое небо, но я их не вижу — мысли крутятся вокруг отца. Он в искусственной коме. Врачи не обещают ничего, кроме неопределенности. Слово «операция» звучит как приговор, который оттягивают, но не отменяют.

Когда выхожу в коридор, слышу мамин голос. Она спорит с врачом, и в ее тоне звенит ярость, которую она даже не пытается скрыть.

— Вы понимаете, что времени у нас нет? Если ничего не сделать, он... — Она запинается, как будто боится произнести слова. — Мы не можем просто сидеть и ждать!

— Луиза Алексеевна, — отвечает врач спокойно, но твердо, — я понимаю ваши чувства. Сейчас состояние Закира стабильное. Но без пересадки костного мозга шансов практически нет. Вам нужно срочно найти донора.

— И сколько у нас есть времени? — психует мама.

Врач делает паузу, короткую, но наполненную тяжестью.

— Недели две. Возможно, чуть больше. Но если начнутся осложнения... — Он не договаривает, но мне все становится ясно. Удар. Как будто земля уходит из-под ног.

Волна отчаяния накрывает меня с головой. Колени подкашиваются, и я хватаюсь за стену, чтобы не упасть. Слова врача звенят в ушах «две недели». Это все? Как так? Я смотрю на маму. Ее лицо перекошено от злости и боли, но она держится. Нет, не держится — сжимает себя в кулак.

— У нас есть потенциальный донор, — говорит она сквозь стиснутые зубы. — И мы добьемся, чтобы он согласился.

— Донор должен дать согласие добровольно, — замечает врач, взгляд его становится тяжелым. — Мы не можем заставить.

Мама резко оборачивается, замечает меня. Ее глаза сверкают гневом, но она молчит. Я так же молча отвожу взгляд, пытаюсь справиться с дрожью в руках. Хочу что-то сказать, но горло перехватывает. Слов у меня нет. Не представляю, что можно сказать в такой патовой ситуации.

Когда мы возвращаемся домой, мама злится. Разъяренной фурией мечется по дому. Такой я ее еще никогда не видела. Она кричит на всех подряд: на горничную, на водителя, даже на меня. Слова острые, как лезвия. Я молча поднимаюсь к себе в комнату, стараясь избежать очередного упрека. Захлопнув дверь, выдыхаю, как будто только что сбежала от дикого зверя, и без сил падаю на кровать.

Достаю телефон и проверяю мессенджер. Сообщение от Юлианы. Она, как всегда, жизнерадостна, что немного раздражает в этот момент. Я пишу ей, что с папой все плохо, точнее, неопределенно. Если Кайрат не согласится на пере-

садку, папу, скорее всего, не спасут.

Подруга быстро находит решение: «Димка рассказал, что этот твой Кайрат дерется за деньги. И у него бой в конце недели. Нам по блату достанут билеты, там и поговоришь».

Бой? Еще один? Я хватаюсь за голову. Еще и вживую. Нет, это не для меня.

Так некстати начинается мигрень. Маленькие молоточки синхронно лупят по вискам. Выпиваю таблетку и пораньше ложусь спать. Но как уснуть, если в голове сплошной Кай? Его дерзкий взгляд, жестокие удары на ринге, этот противный смешок, который он посмел мне послать. Вот же пристал! Как его выдворить? Бесит и раздражает. Хам неотесанный! Никакого воспитания. Но в то же время что-то в нем не дает мне покоя.

Утром я просыпаюсь невыспавшаяся, разбитая. В висках по-прежнему неприятно пульсирует, а в глаза словно песка насыпали. Остаться бы дома и отлежаться, но маме все равно. Она тащит меня в детский дом, где живет брат Кайрата.

Мама оставляет меня в машине, а сама уходит на поиски заведующей. Выхожу на улицу и жадно дышу морозным воздухом. Смотрю на время. Черт, еще и на занятие по хореографии опаздываю. Хочется побиться об стену головой, но она и так ватная. Хоть уже не болит, и на том спасибо.

Пишу подруге сообщение, что немного задержусь, но отправить не получается. Связь в этом богом забытом месте просто не ловит. Отлично! Шумно выдыхаю и иду на терри-

торию детского дома. Там цивилизация, и интернет, может быть, тоже есть.

На площадке дети играют в мяч, кричат и смеются. Такой контраст с мрачными мыслями, которые гудят у меня в сознании. Захожу в калитку, поднимаю телефон, чтобы отправить сообщение, и слышу за спиной голос воспитателя.

— Добрый день. Вы к кому?

Вздрагиваю от неожиданности, по инерции оборачиваюсь и прячу телефон в карман. Женщина лет пятидесяти стоит неподалеку и внимательно изучает меня.

— Здравствуйте, — запинаюсь, пытаюсь придумать, как выкрутиться. Ведь фамилию Кайрата я не знаю. Рискую и называю свою. — К Мансурову. Я сестра...

— К Ахмету, значит, — усмехается воспитательница и кивает в сторону. — Он там, на лавочке. Только что-то сегодня без настроения.

Я киваю и, облегченно выдохнув, иду к мальчику. Он сидит совсем один. Маленький, худой, с хмурым выражением лица. Но очень похож на Кая. Не перепутать.

— Привет, — говорю, подходя ближе. — Можно я присяду?

Ахмет смотрит на меня исподлобья, поджимает губы, ничего не отвечает. Но я все же сажусь рядом.

— Тебя Ахмет зовут? — спрашиваю. Молчание. — А я Мэри. Твоя сводная сестра, представляешь?

Он недоверчиво смотрит на меня, но ничего не говорит.

— Я только вчера об этом узнала, но рада познакомиться, — протягиваю руку. Но мальчик отворачивается, словно я ему неприятна.

— Ты что, такой же противный, как и Кайрат? — вырывается у меня.

Ахмет резко вскакивает, хмурится еще сильнее и тяжело дышит. Я успеваю только моргнуть, как за спиной слышу низкий, вкрадчивый голос.

— Что ты здесь делаешь, Снежок?

Этот голос будто проходит электрическим током по венам. Я подпрыгиваю с лавки и оборачиваюсь. Кай. Стоит, сложив руки на груди, широко расставив ноги. Его насмешливый взгляд прожигает меня насквозь.

— Я задал вопрос, — повторяет он с издевкой. — Или дар речи потеряла?

— С братом знакомлюсь, — отвечаю, вздернув подбородок, стараясь не показать, как этот гад меня нервирует.

— И как? — Его бровь приподнимается в насмешке.

— Очень мило поболтали, в отличие от тебя, — парирую я и едва сдерживаюсь, чтобы не показать язык. Вру, конечно, но так хочется укусить этого напыщенного побольнее.

— Да ты, Снежок, волшебница, — смеется Кайрат, но в его смехе нет ничего доброго.

Ахмет прижимается к нему, глядя на меня испуганными глазами.

— Он не говорит. Вообще, — вдруг хрипло произносит

Кай. — Несколько лет уже.

Как не говорит? Совсем? Такое бывает? Становится жутко стыдно.

— Я не знала... — Слова застревают в горле, но я все же их выталкиваю.

— Конечно. Ты даже не попыталась узнать, — словно плетью проходится по плечам. Даже вздрагиваю от стаи колючих мурашек. — Так что ты здесь делаешь, Снежок?

— Да что вы себе позволяете?! — Громкий голос матери перебивает все. — Мне нужен этот ребенок!

Кай отворачивается, его лицо становится жестким, как камень.

— А я против, — говорит он тихо, но с такой угрозой, что даже мне становится страшно. — Убирайтесь отсюда. Обе.

— Ты об этом пожалеешь! — кричит мама, разворачивается и уходит к машине.

А я остаюсь стоять, словно приросла к месту. Хотела бы сбежать, но не получается. Ноги меня не слушаются, а в ушах громко бухает сердце.

Кай делает несколько шагов ко мне, наклоняется ближе, его горячее дыхание касается щеки.

— Тебе помочь найти выход или справишься? — Уголки его губ приподнимаются в яростной гримасе.

— Ну ты и хам! — выдыхаю я, с трудом находя в себе силы отойти.

— Это ты мне сейчас сказала? — Его бровь дерзко при-

поднимается, и на губах появляется та самая раздражающая усмешка. — Корона мозг сдавила?

— Да ты... — Я делаю еще один шаг назад, чувствуя, как злость наполняет меня до предела. — Тебя вообще учили, как разговаривать с людьми?

— С такими, как ты? — Кай резко выпрямляется и наступает на меня, сокращая расстояние.

Чувствую, как его близость становится почти невыносимой. Горячее дыхание обжигает щеку, и я, вопреки здравому смыслу, решаю не отступать.

— Ты можешь держать дистанцию? Или это для тебя слишком сложно? — выпаливаю, глядя прямо в его темные глаза.

— А ты смелая, — протягивает Кай, не двигаясь. — Но только на словах.

— Уж тебя точно не боюсь, — парирую я, хотя внутри все дрожит. Бесит его взгляд, будто уже знает, что выиграл в этой словесной дуэли.

Ахмет, прижавшийся к его боку, смотрит на нас с детским страхом, будто боится, что сейчас произойдет что-то ужасное. Это заставляет меня немного остыть. Я делаю глубокий вдох, и первая отступаю на шаг.

— Знаешь, Кайрат, — говорю я тише, — ты слишком упрямый. Только не думай, что этим можно гордиться. Иногда нужно не только защищаться, но и идти навстречу людям.

Он смеется. Этот звук пробирает меня до самых костей.

— Ты сюда пришла читать мне нотации? — Его голос становится жестче. — Вот что я тебе скажу, Снежок. Ты понятия не имеешь, каково это — выживать. Так что свои умные слова оставь для подружек.

Я сжимаю кулаки, чувствуя, как слезы гнева подступают к глазам. Бесит, что он вызывает такие эмоции.

— Снежок, не появляйся здесь снова. Тебя здесь не ждут.

Я смотрю на него, не зная, что ответить. Сердце стучит так громко, что кажется, он это слышит.

— Да пошел ты, — бросаю я и, развернувшись на каблучках, иду к калитке. Но его взгляд чувствую на своей спине, как горячие угли.

Не оглядываюсь. Спешу к машине, где уже сидит мама, явно готовая выплеснуть на меня недовольство. Но все, что я сейчас могу слышать, — это противный голос сводного, его смех и собственное сердце, бьющееся в ярости.

Глава 4 Кайрат

Кайрат

Кровь в висках стучит так, что слышу ее громче, чем голос Мэри. Эта девчонка бесит меня больше, чем кто-либо за последнее время. Снежок. Блестящий, но ледяной. И почему она меня так цепляет? Я провожаю ее взглядом, пока идет к машине. Внутри бурлит. Взять бы и встряхнуть ее, чтобы сбить эту дурацкую уверенность.

«Она наша сестра?» — Ахмет трогает меня за руку, выводя из мыслей. Говорить он не может, но его глаза и жесты всегда передают больше, чем слова.

— Да какая она нам сестра, — бурчу я, не глядя на него. Но этот разговор мне не по душе, и я быстро меняю тему. — Готов ехать?

Ахмет кивает. Ему надо к врачу. Я отправляю его за рюкзаком и иду наверх к заведующей.

В кабинете пахнет кофе. Она смотрит на меня поверх очков и сразу переходит к делу.

— Луиза Алексеевна требует, чтобы мы провели тест на совместимость ее мужа и Ахмета. Если результат будет положительным, она хочет, чтобы мальчик стал донором костного мозга.

— Это абсурд, — перебиваю я, мгновенно вскипая. — Они не имеют права.

— Пока не имеют, — спокойно отвечает она. — Но, если отец восстановит родительские права, он сможет забрать Ахмета. И тогда уже делать то, что посчитает нужным.

Я стискиваю зубы, чувствуя, как бешенство поднимается изнутри. Да какого хрена это все?

— Они не заберут его, — выдыхаю, едва сдерживаясь, чтобы не разнести все вокруг.

— Пока у нас есть время, но подумай, — заведующая вздыхает. — Я с тобой, Кайрат. Но их ресурсы могут многое.

Все я понимаю и обещаю подумать, хотя знаю, что мне и думать нечего. Не отдам брата, и точка. Спускаюсь, Ахмет ждет меня с рюкзаком. Мы едем в реабилитационный центр. Брат в такси тихий, смотрит в окно. Это нормально для него, но я все равно чувствую, как нарастает тревога.

В центре я оплачиваю пару сеансов реабилитации. На большее пока не хватает. Дорого очень. Новая какая-то методика, возможно, поможет Ахмету вернуть способность разговаривать.

Ахмет проходит через череду процедур, которые должны помочь ему заговорить. Сегодня его ждет логопедический массаж — мягкие движения пальцев врача по щекам, губам и подбородку. Врач, женщина средних лет с добрыми глазами, аккуратно комментирует каждое свое действие.

— Ахмет, ты молодец, — говорит она. — Сейчас попробуем размять язык, это не больно.

Мой брат смотрит на нее настороженно, но позволяет про-

должить. Она работает с его лицевыми мышцами, массируя точки, которые, как она объяснила, стимулируют работу речевых центров.

Следующим этапом идет дыхательная гимнастика. Ахмет садится ровно, следуя ее указаниям, и начинает медленно дышать, как она показывает. Выдыхает через трубочку в стакан с водой, создавая маленькие пузырьки. С первого взгляда это кажется простой игрой, но я понимаю, что это часть важного процесса. Каждый раз, когда ему удастся сделать упражнение правильно, он поднимает на меня взгляд, словно ждет одобрения. Я киваю, и брат чуть улыбается.

Последняя часть — артикуляционные упражнения. Врач предлагает ему произнести звуки, мягко и терпеливо подсказывая, как двигать губами и языком. Он делает это медленно, напряженно. Иногда звук получается, и я вижу, как у него загораются глаза. В такие моменты я чувствую что-то похожее на гордость, но тут же отворачиваюсь, чтобы брат не заметил.

Пока Ахмет занимается, я монотонно брожу по коридору, чешу затылок и прикидываю, как это все разрулить. Эти нелюди не отстанут. Они будут добиваться своего. А что делать мне? Снова драться? Но не с ними же.

Телефон в кармане вибрирует. Сообщение от Стеллы: «Малыш, вечером жду в гости». Она всегда прямолинейна. Знойная, жаркая. Чтобы сбросить пар самое то. «Готовь пишу» — пишу в ответ и усмехаюсь, предвкушая приятный ве-

чер и, конечно, секс.

После процедур отвожу брата в детский дом, договариваюсь на завтра и возвращаюсь в свой интернат. Теоретически наша группа совершеннолетняя и может жить за стенами интерната, но на практике тренер перед турниром требует всех быть на базе.

Быстро переодеваюсь и вбегаю в зал за минуту до начала тренировки. Иначе хапнул бы отработку, а сил и так не много. Я еще не восстановился полностью. Тренер устраивает силовую с кардио. Начинаем с разминки. Прыжки через скакалку, растяжка, несколько кругов бега по залу. Пот струится по спине, но это только начало.

— Кайрат, соберись, ты еле двигаешься, — рычит тренер, проходя мимо.

Я закатываю глаза, но ускоряюсь. Дальше идут подходы на силовые. Жим штанги, приседания с весом, подтягивания. Мышцы горят, но я грузу себя до предела.

Потом кардио. Берпи, выпады, запрыгивания на тумбу. Пот капает на пол, дыхание сбивается, но я продолжаю. В голове только одно — выплеснуть весь этот накопленный за день адреналин.

— Еще один круг. — Тренер смотрит на меня пристально. — Ты можешь больше.

Спорить бессмысленно. Я выжимаю из себя остатки сил, заканчивая последний круг. Тело ломит, но в душе появляется странное облегчение. Боль в мышцах отвлекает от всего

остального. Усталость от тренировок накрывает с головой, но чувствую, что сегодня не захочется никуда ехать. Телефон снова вибрирует, но я быстро гашу уведомление. Стелла называет меня козлом, и, честно говоря, это совсем не задевает.

После душа плетусь в комнату. В коридоре догоняет Руслан, мой заклятый соперник и по совместительству тот, кто всегда находит способ впутаться в неприятности. Его кепка слегка сдвинута назад, а во взгляде читается привычная смесь наглости и скуки.

— Чего такой мрачный, Кай? — спрашивает он, прислоняясь к стене. — Опять кто-то на мозоль наступил?

— Не твое дело, — отмахиваюсь я, но он только усмехается.

— Ты видел нашу докторицу? Очень интересно, что у нее под этой белой формой. — Рус подмигивает, и у меня нервно дергается глаз, прогнозируя очередной трюндец на наши головы.

— Ты больной, — отвечаю сухо. — Иди займись чем-нибудь полезным.

Руслан только хмыкает. Возвращаюсь в комнату. Здесь царит привычный хаос. Кот развалился на кровати и что-то листает в ноутбуке, Фей уткнулся в телефон, включает какие-то видюхи и ржет. Увидев меня, парни отвлекаются от гаджетов.

— Ты как-то на себя не похож, Кай, — первым начинает

Кот. — Что-то случилось?

— Да все нормально, — бросаю сумку на кровать. — Устал просто.

— Ты в последнее время весь на нервах. — Фей подозрительно прищуривается. — Может, расскажешь, а?

— Да нечего рассказывать, — отвечаю, но взгляд Вика буквально сверлит меня, будто видит насквозь.

— Давай выкладывай, — требует он, садясь на край моей кровати. — Может, поможем.

Я вздыхаю. Сопротивляться нет смысла. Эти оболтусы все равно все выпытают.

— Ладно. Есть у меня проблема. В интернат приехала одна богатая дама, заявила, что я или Ахмет должны стать донором костного мозга для ее мужа. Это наш отец. Ну, биологический.

— И что? — настораживается Фей. — Ты против?

— Естественно. Но она просто так не отстанет, — чувствуя, как внутри снова поднимается злость. — Вот и думаю, что делать.

На мгновение в комнате повисает тишина. А потом начинается.

— Надо шантажировать ее! — заявляет Кот, широко улыбаясь. — Сказать, что раскроем ее тайны!

— Какие тайны, Борь? — возмущается Вик. — Пригрози, что напишешь заяву о совращении?

— Он совершеннолетний, — ржет Кот.

— А может, просто поговорить с ней? — предлагает Фей, явно пытаясь быть голосом разума. — Узнать, чего она боится.

— Ерунда, — отмахивается Вик. — Надо поставить ее на место. Зачем тут рассусоливать?

Я слушаю их и чувствую, как напряжение уходит. Они бредят, спорят, но я понимаю: если что, они прикроют мою спину.

— Спасибо, парни, — говорю, поднимая руку. — Реально, вы лучшие.

Заваливаюсь на кровать, телефон на зарядке. Глаза закрываются сами собой. Друзья негромко треплются на соседних кроватях, создавая привычный фон. Балансирую на краю сна, пытаюсь уплыть в нирвану, но вместо Стеллы в голове неожиданно всплывает лицо Мэри. Ее ледяной взгляд. Ее дурацкий белый свитер, который идеально контрастировал с нахальным тоном. Вот же напасть...

Глава 5 Мэри

Мэри

Сегодня у меня индивидуалка. Я рада, хоть мозг отдохнет.

Воздух в зале плотный, теплый, наполненный ароматом полированного паркета и едва уловимым запахом пота. Мягкий свет пробивается сквозь высокие окна, ложится на зеркальные стены. Музыка еще не включена, но я уже чувствую ритм где-то внутри. Он пульсирует в венах, как приглушенный зов, который нельзя игнорировать.

— Начали, — строго говорит хореограф.

Разогрев — святая обязанность. Первые движения медленные, почти ленивые. Я тяну мышцы, осторожно, сосредоточенно, словно извиняясь за вчерашние изнуряющие репетиции. Каждое движение отдается в теле приятной болью, напоминая о том, что я живая, что у меня есть цель. Поднимаю руки в высокую «пятую позицию», подтягиваю корпус. Балетная стойка — это основа, с которой я начинаю.

Музыка начинает звучать. Спокойная, но с нарастающим напряжением. Она зовет двигаться. Вдох, выдох. Первый шаг. Я растворяюсь в этом ритме. Руки распахиваются, будто крылья, ноги уходят в арабеск, а затем резкий поворот — и я уже в прыжке. Моя тень мелькает на зеркале. Это не просто танец. Это моя история. История борьбы.

Но тут же в голове всплывает его лицо. Гадкий, высокомерный Кайрат. Его ледяной взгляд, этот отвратительный тон, когда он бросил мне: «Ты даже не попыталась узнать». Кулаки сжимаются, и я спотыкаюсь на движении, сбиваясь с ритма.

— Черт! — выдыхаю я, выпрямляясь.

— Соберись, Мэри! — отчитывает хореограф.

Добавляю элементы гимнастики. Кувырок через плечо, плавный выход в стойку. Движение тела в унисон с музыкой, которая постепенно ускоряется. Я бросаюсь на пол в скольжении, резко переворачиваюсь, поднимаюсь, будто вырываюсь из оков. Каждый изгиб, каждый шаг — как вызов. Я превращаю это в что-то дикое, необузданное, но все еще красивое.

И все же мысли возвращаются. Как он смотрел на меня в детском доме, словно я была виновата в чем-то ужасном. Да кто он вообще такой, чтобы так со мной говорить? Раздражение закипает внутри, и я снова сбиваюсь с ритма.

— Да что с тобой сегодня?! — снова ругает меня хореограф.

Руки трясутся от напряжения, но я делаю глубокий вдох и пытаюсь снова сосредоточиться.

Наступает момент для боевых элементов. Руки принимают жесткие линии, выстраивая удары в такт. Я делаю вращающийся удар ногой, который переходит в балансировку на одной ноге. Мощные прыжки сменяются мягкой пластикой,

удары ладонями растворяются в потоке танца. Это борьба, запечатленная в движении. Борьба не с кем-то, а с самой собой. Или все же с ним? Черт знает.

Капли пота стекают по шее, сердце колотится. Музыка на пике, и я ловлю ее, как волну. Пируэт переходит в сложный подъем, ноги уходят в шпагат в прыжке. Воздух рассекается вокруг меня, и я чувствую себя невесомой. Я парю, даже если всего на секунду.

Но в голове все равно крутится его голос. «Ты что здесь делаешь, Снежок?» Какая же наглость! И все же я слышу этот тон, вижу эту ухмылку, и внутри все сжимается от злости. Настолько, что я снова сбиваюсь. Падаю, опускаясь на колени, и несколько секунд просто сижу на полу, тяжело дыша.

Зачем я вообще о нем думаю?

— Мэри, сосредоточься!

Финал. Замедление. Тело изгибается, словно струна, готовая порваться. Последний поворот, и я замираю. Грудь поднимается и опускается от сбившегося дыхания. Тишина. Моя кожа горит, а мышцы дрожат, но внутри разливается странное спокойствие.

— Все, отдыхай, — сдержанно хвалит меня. — В следующий раз будь внимательнее.

— Спасибо.

Я подхожу к зеркалу, смотрю на свое отражение. Лицо покраснело, волосы прилипли ко лбу. Но в глазах — неугасаю-

щий огонь. Этот танец не просто репетиция. Это мой способ говорить миру, что я здесь, что я борюсь. Даже с ним. Даже с самой собой.

Домой прихожу совершенно разбитая. Ноги словно налиты свинцом, спина болит, а в голове стучит глухая усталость. Путь от двери до комнаты кажется марафонской дистанцией, но, проходя мимо гостиной, я невольно останавливаюсь.

— Нет, это нужно срочно решить. — Голос матери звучит резко. — Времени у нас почти не осталось.

Я задерживаю дыхание и стараюсь не выдать своего присутствия.

— Кайрат? Да плевать, как его заставить, хоть через суд. Главное — согласие, иначе мы ничего не сделаем... Ахмет? Ну и что, что ребенок? Ради жизни мужа я не остановлюсь ни перед чем.

Сердце начинает колотиться быстрее. Они действительно хотят втянуть Ахмета в это? Или Кая? Но как?

— Слушай, они просто обязаны это сделать, — продолжает она. — Это вопрос жизни и смерти. Убедить их твоя задача. Да, любыми способами.

Я не выдерживаю и врываюсь в комнату.

— Что ты хочешь сделать? — Мой голос звучит громче, чем я ожидала.

Мама медленно поднимает взгляд на меня, в ее глазах мелькает раздражение.

— Мэри, это не твое дело. Иди в свою комнату, — отре-

зает она, но я стою не двигаясь.

— Ахмет — ребенок, мама. Кайрат ненавидит нас. Ты не можешь просто заставить их сделать то, что ты хочешь!

— Я сделаю все, чтобы твой отец выжил! — Ее голос поднимается, как гроза. — А ты могла бы вспомнить, что у тебя вообще-то есть семья!

— Мама, остановись!

Она резко встает, и я чувствую, как воздух между нами накаляется.

— Ты просто неблагодарная девчонка! — Ее слова звучат, как плеть. — Если бы любила, то делала бы все, чтобы его спасти.

Эти слова бьют больно, но я не показываю. Сжимаю кулаки и стараюсь сохранить спокойствие.

— Я люблю папу, но не позволю тебе ломать жизнь других ради этого, — говорю твердо, но внутри дрожу.

Она ничего не отвечает, только смотрит на меня ледяным взглядом. Я отворачиваюсь и иду в свою комнату, хлопнув дверью. За спиной слышу, как она что-то раздраженно говорит, но больше не могу расслышать. Внутри все горит от ярости. Как она может?

Сажусь на кровать, обхватываю голову руками и стараюсь отдышаться. Мама готова пойти на все. Но я не хочу в этом участвовать. Идти по головам других это не мое. Это несправедливо!

Достаю телефон и набираю Юлианну. Она поднимает

трубку через несколько секунд:

— Ну? Что случилось на этот раз? — бодро отзывается подруга.

— Мы идем на бой Кая, — говорю быстро, даже не давая ей времени на ответ. — Димка же достанет нам билеты?

— Конечно. Бой завтра вечером. Могу уточнить детали.

— Уточни и давай встретимся заранее, — заканчиваю я, чувствуя, как в груди тянет неприятным холодком.

Юлианна молчит пару секунд, а потом осторожно спрашивает:

— Ты уверена, что это хорошая идея? Ты же знаешь, какой он... Он может просто посмеяться над тобой.

— Он не посмеет. — Я чувствую, как злость пробивает сквозь усталость. — Если ему не плевать на своего отца, он меня выслушает.

— А если плевать? — тихо спрашивает она.

Эти слова больно цепляют, и я на мгновение закрываю глаза, чтобы не сорваться.

— Тогда я заставлю его слушать. Любым способом. Я больше не могу ждать, Юля. Это не ради меня, это ради папы.

— Ладно, я уточню у Димки время и место. Но Мэри... — Голос подруги становится мягче. — Не делай ничего такого, о чем потом пожалеешь.

Я не отвечаю. Не потому, что не хочу, а потому, что сама не уверена. Молча сбрасываю вызов и кладу телефон рядом.

Лежу на кровати, всматриваясь в потолок. Мысли скачут, одна хуже другой. Если Кай не захочет разговаривать, если он снова начнет свои насмешки... Смогу ли я это вынести? Смогу ли я опуститься до того, чтобы просить, умолять?

«Гордость ничто по сравнению с человеческой жизнью», — мысленно повторяю себе, как мантру. Но внутри все равно свербит. Почему именно я должна это делать? Почему мама не может? Или кто-то другой?

Ответ приходит почти сразу. Потому что это моя семья. Потому что, если я не сделаю первый шаг, никто этого не сделает.

Прикрываю глаза. Завтра все решится. Завтра я увижу его на ринге. И если придется, я сделаю все, что нужно. А что нужно-то?

Глава 6 Кайрат

Кайрат

Разминка перед боем. Медленно растягиваюсь, как учит тренер. Приседания, вращения, прокрутка суставов все на автопилоте. Потом ускоряюсь, загоняю тело в нужный ритм, наполняю кулаки жаром. В грушу влетают удары, один за другим, пока не начинает стучать сердце так быстро, что это уже не просто подготовка, это почти бой.

Но в голове опять бардак. Эта чертова Снежок. Мэри. Ее обжигающий взгляд, белоснежные волосы, высокомерный тон. И та дичь, которую она говорила. Сестра? Какая, к черту, сестра? Зачем она вообще пришла в мою жизнь? Не место, не время. Ничего не вяжется.

Пытаюсь сосредоточиться. Бью сильнее. Кулаки почти впечатываются в грубую ткань, как будто могу пробить насквозь. Но нет. Эта девчонка снова возникает в моей голове. Ее голос. Зачем он там? Почему меня так зацепила ее ненависть? Или дело в том, что я увидел за этой ненавистью что-то еще? Чушь. Абсолютная чушь.

Выдыхаю, трясую головой, чтобы прогнать навязчивый образ. Бой вот-вот начнется, а я размазан. Нужно собраться. Нужно взять себя в руки.

— Малыш, ты здесь? Я так и знала, — слышу позади при-

торный голос Стеллы.

Замираю, но даже не поворачиваюсь. Слишком злюсь, чтобы смотреть на нее.

— Чего тебе?

— Я соскучилась...

— Не сейчас. Уйди.

Она подходит ближе, кладет руку на мое плечо. Меня передергивает.

— Ну Кай...

Сбрасываю ее руку с силой, поворачиваюсь.

— Ты же знаешь, что перед боем я не трахаюсь.

Она закатывает глаза, изображая обиженную. Но я вижу, что ей плевать.

— Ладно, — фыркает снисходительно. — Зайду позже. Я поставила на тебя, не подведи.

Фыркаю в ответ. Устал от ее навязчивости. Она как комар, раздражающая до предела. Сейчас мне нужна концентрация, а не ее кривляния. Возвращаюсь к груше, но слышу, как меня зовут. Время выходить.

Зал ревет, как взбесившийся улей. Публика любит меня. Кричат мое имя, свистят, хлопают. Я в центре этого шоу. Все взгляды на меня. И я играю на них. Бросаю пару дерзких взглядов, напрягаю мышцы, позволяю свету выхватить рельеф. Это моя сцена. Мой заработок.

Соперник серьезный. Высокий, тяжелый, но двигается быстро для своего размера. Новичком тут и не пахнет. Ну

что ж. Красиво выиграть — вот и вся задача. Рефери дает сигнал. Начинаем.

Первый раунд — разведка. Проверяю его защиту. Ложный джеб, апперкот. Он блокирует оба. Хорошо, значит, придется включать мозги. Резкий уклон от его удара, и тут же контратака в печень. Попал. По его лицу пробегает тень боли, но он не падает. Ладно. Играем дальше.

— Это все, что ты можешь? — бросаю ему через ринг, чтобы вывести из себя.

Он усмехается, но его глаза говорят другое. Зацепило.

— Подожди, малыш, сейчас разогреюсь.

К концу раунда я понимаю, что нашел его ритм. Публика гудит, кто-то орет что-то на заднем плане, но я даже не слушаю. В голове пусто. Только бой.

Второй раунд — мой. Двигаюсь быстро, как нож в разрезе. Удары точные, четкие. Лоу-кик в бедро, хук справа. Публика взрывается. Дыхание соперника становится тяжелее, движения замедляются. Он сдает, я это вижу. Внутри вспыхивает вкус победы. Адреналин качает, как музыка на максималке.

— Чего притих? — спрашиваю, отправляя очередной удар в корпус. — Устал?

Его взгляд поднимается на меня, пот течет по вискам. Он улыбается, но это улыбка того, кто уже понимает, что проиграл.

— Не расслабляйся, — бросает он с хрипом.

И тут все меняется. Мелькают белые волосы. Ее лицо. Мэ-

ри. Снежок, твою мать? Что она здесь делает?

Это не место для принцесс.

Мысль с грохотом бьет в голову. Я теряю концентрацию. Слишком поздно замечаю, как соперник делает бросок. Пропускаю удар в челюсть. Голова гудит, мир плывет. Падаю на настил. Но даже там вижу ее. Она смотрит прямо на меня. Или это уже галлюцинация?

Секунды тянутся, как вечность. В ушах звенит, но я встаю. Публика ревет, но все это где-то далеко. Перерыв. Сажусь на стул, пытаюсь отдышаться, сканирую толпу, но ее нигде нет. Может, почудилось?

Третий раунд. Выход на злости. Но злость — плохой помощник. Она мешает концентрации. Я вижу соперника, его слабости, но не могу использовать их. Слишком много эмоций. Удары летят, но техника сыплется. Все разваливается.

— Ну что, звезда? Все? — роняет соперник, выдавая ап-перкот. Он вкладывает в него все.

Я пропускаю. Пропускаю снова. Слил, сука. Рефери поднимает его руку, а я на последних волевых ухожу в раздевалку. Все внутри кипит.

Бросаю перчатки в угол. С таким замахом, что шкафчик едва не разваливается. Дыхание рваное, грудь будто в огне. Все пошло наперекосяк. Деньги будут копейки, синяки болеть месяц. А главное — я проиграл. Это нож в спину. Нож, который сам себе и вогнал.

— Из-за нее. Чертова девчонка. Все из-за нее! — Слова

крутятся в голове, как ненавистная мантра.

Хожу по раздевалке туда-сюда, как зверь в клетке. Кулаки сжаты так, что побелели суставы. Хочется выместить это чувство на чем-то. На ком-то.

— Привет, — слышу голос. Оборачиваюсь резко, и, конечно, она. Снежок. Своим ледяным взглядом сверлит меня. — Как ты? Сильно досталось?

— Какого хера ты тут делаешь? — рычу на нее, едва удерживая демонов внутри.

— Нам надо поговорить. — Ее голос спокойный, слишком спокойный и мягкий.

Я близок к тому, чтобы сорваться. Мое тело все еще болит от ударов, а она хочет говорить?

— Нам не о чем говорить. Уходи.

Снежок подходит ближе и медленно опускается на колени, а мои глаза расширяются от удивления.

— Что ты делаешь? — резко хватаю за плечи и вздергиваю на ноги.

— Ты хотел, чтобы я унижалась? Хорошо. Я согласна, — судорожный всхлип и дрожь на розовых губах. — Только спаси отца...

Чувствую, как внутри все напрягается. Это шутка? Или она действительно настолько отчаянная?

— Ты совсем ненормальная? — рычу, пальцы впиваются в хрупкие плечи.

Ее глаза смотрят прямо в мои. Там злость. Там боль. И

что-то мне непонятное. Мы замираем на доли секунды. Снежок молчит, а я тону в ее голубых льдинках. Тону безвозвратно и даже не пытаюсь выплыть.

Дверь открывается, и мы отшатываемся друг от друга. Входит Стелла, разглядывает сцену, ее лицо перекошено самодовольной улыбкой.

— Ой, кто это? Чокнутая фанатка? — Голос издевательский и приторный, как всегда.

— Ага. Почти, — бросаю зло. Специально, чтобы прогнать эту девчонку. Чтобы свалила нахрен и не смотрела на меня своими глазищами.

Мэри бросает на меня испепеляющий взгляд. Ее лицо красное, глаза сверкают ярче звезд. Красивая...

— Ты еще пожалеешь! — шипит она обиженно, разворачивается и выбегает из раздевалки.

Сжимаю кулаки. Раздраженно бью в шкафчик. Едва сдерживаюсь, чтобы не рвануть за ней. Никогда ни за кем не бежал. И не собираюсь. Но почему ее слова так жгут изнутри?

Глава 7 Мэри

Мэри

Пулей вылетаю из раздевалки, ощущая, как предательские слезы жгут глаза. Даже сама не понимаю почему. Все слишком быстро и отчего-то больно. Крепко зажмуриваюсь. Нет, не сейчас. Никаких слез. Никогда. Я практически врезаюсь в Юлиану, которая появляется из ниоткуда.

— Что случилось? — спрашивает она, хватая меня за руку.

Я качаю головой, не в силах произнести ни слова. Нужно выбраться отсюда. Холодный воздух. Только он может помочь привести мысли и чувства в порядок.

Я ускоряю шаг, вылетаю на улицу, и в лицо ударяет мороз. Легкие наполняются холодом, но внутри все так же жарко от обиды и злости. Юля идет за мной, не отстает.

— Да скажи уже, что он тебе сделал? — Ее голос звучит требовательно, почти с паникой. — Мэри, я переживаю!

— Ничего, — выдыхаю я, наконец остановившись. Голос просаживается и хрипит, будто меня душили. — Просто он урод моральный! Ненавижу. Знать не хочу больше.

— Как так-то? А как же отец?

Ее слова режут по живому. Отец. Этот образ возникает так ярко, что я буквально вижу его перед собой. Его улыбку.

ку, когда он радовался моим выступлениям, и этот усталый взгляд, когда приходилось подписывать очередные бумаги для мамы. Я опускаю глаза, губы дрожат от переполняющих чувств. Но слезы по-прежнему не идут. Как будто все застряло внутри. В голове вспыхивает мысль: «А вдруг он прав? Может, я действительно что-то делаю не так?» Но тут же отмахиваюсь от нее. Не время.

— Не знаю, Юль. Просто не знаю. Поехали домой.

Мои слова звучат пусто, как будто в них не осталось жизненных сил. Наверное, так и есть. Хочется побыстрее добраться до дома и упасть уже на кровать. Я делаю шаг к дороге, но за спиной раздается насмешливый голос.

— О, какие девочки, ты посмотри.

Вздрагиваю и оборачиваюсь. Трое парней идут к нам, их ухмылки и наглые взгляды заставляют кровь стынуть в жилах. Один из них, блондин с цепочкой на шее, смотрит на меня как на добычу.

— Отвалите, — рычу я, стараясь не показывать страха. Грудь сдавливают, руки незаметно сжимаются в кулаки.

— Какая дерзкая, — хмыкает блондин. — Барон, твоя будет. Я поговорчивее люблю.

Юля сжимает мое плечо, ее пальцы ледяные, она уже в панике. Я инстинктивно ощущаю, как ее страх накатывает волной, и это только подстегивает мое бешенство. Злость, которую я так тщательно скрывала, теперь выходит наружу.

— Не трогайте нас, а то закричу! — бросаю, отступая на

шаг, но блондин лишь усмехается.

— Кричи сколько влезет, — отвечает он, медленно приближаясь. — Вы на нашей территории.

Его слова звучат, как приговор. Что это значит? Я не знаю! Я хорошая домашняя девочка и никогда не ввязывалась ни в какие разборки.

Юля хватается за меня сильнее, и я чувствую, как она начинает дрожать. Обе понимаем, что в эту минуту мы совершенно беспомощны. И этот факт бесит меня еще сильнее.

— Это Артур, сын владельца клуба, — едва слышно шепчет Юлианна, а я словно отупела, не понимаю связи. При чем здесь клуб и эти парни?

— Я вызываю полицию! — достаю из кармана телефон.

— Заткни им рот и в машину, — говорит самый крупный из них, стоящий чуть поодаль. Ледяные мурашки прокатывают по позвоночнику.

Сердце бешено колотится, когда они хватают нас. Телефон падает в снег, и его отпинывают подальше. Мы с подружкой брыкаемся, пытаемся вырваться, но их хватка слишком крепкая. Юля плачет, а я чувствую, как в груди поднимается волна ярости и бессилия. «Так вот как это заканчивается?» — проносится в голове, но вдруг раздается голос, который я никогда не хотела больше слышать.

— Эй, девчонок отпустили, — глубокий, уверенный. Кайрат.

Парни замирают, оборачиваются. Один из них бросает:

— Боец, иди куда шел. Не твои проблемы.

Кай медленно подходит ближе. Его движения плавные, но в них чувствуется угроза. Он будто готов взорваться в любую секунду.

— Я сказал, отпусти, — повторяет холодно. Вроде говорит спокойно, но в каждой интонации звенит сталь.

— А то что? — насмешливо бросает блондин.

— Нос сломаю, — отвечает Кай с ледяной уверенностью.

И все происходит слишком быстро. Парни бросаются на него, но у них нет шансов. Кай двигается, как вихрь. Его удары точные, резкие, каждый из них выбивает воздух из нападающих. Один валится с окровавленным лицом, другой летит на снег с разбитой челюстью. Третий пытается убежать, но Кай хватает его за воротник и грубо швыряет в сторону. Ему самому тоже сильно достаётся, но он держится, не показывая слабость.

— Убирайтесь, пока целы, — бросает он им напоследок.

Парни, шипя от злости и боли, убегают прочь. Я стою как вкопанная, не в силах пошевелиться. Юлия, вся бледная, держится за меня, но ее глаза блестят от восторга.

— Все в порядке? — спрашивает Кай, глядя на нас. Его взгляд спокойный, изучающий, словно не он пару минут назад дрался сразу с тремя парнями.

Юля едва не бросается к нему на шею.

— Спасибо! Вы... ты... Это было невероятно!

Я все еще молчу. Даже поблагодарить забываю. Точнее,

язык не поворачивается. Его взгляд останавливается на мне, ожидая хоть какого-то ответа, но я отступаю на шаг.

— Черт, телефон потеряла, — расстроено хлопаю по карманам.

— Предлагаю вас отвезти, — говорит Кай.

— Нет, — резко отвечаю я. — Мы сами.

Я ловлю такси, практически заталкиваю Юлю внутрь, и мы уезжаем. По дороге она не умолкает:

— Ты видела, как он их разнес? Это было... это было как в кино! Он же просто... невероятный! Как ты могла про него так говорить?

Я молчу. Злюсь на него. Злюсь на себя. Почему я не могу просто забыть этот его ледяной взгляд, эту его силу? Все внутри меня переворачивается от противоречий. Может, он просто играет? Или действительно такой?

Всю ночь не сплю. Совесть мучает. Его лицо — то холодное, то заботливое. Кай помог. Не побоялся пострадать сам. А я... Идиотка, сбежала, погрязнув в детских обидах. Что на меня нашло? Хочется побиться головой о стену. Но это не выход. Я так не могу, я должна что-то сделать, иначе не смогу нормально жить. Я будто бы ему должна осталась...

Перед тренировкой решаю, что должна все-таки поблагодарить Кайрата за спасение. Пусть это будет через силу, но я должна. Я справлюсь. Я все смогу. Язык не отсохнет.

Приезжаю в интернат. На входе странный шум. Люди кричат. Врач в халате пробегает мимо, за ней мужчина в спор-

тивном костюме. Я хватаю его за руку:

— Что случилось?

Он оборачивается, вырываясь из моей хватки:

— А ты кто такая?

— Я... я сестра Кайрата. Можете его позвать?

Он смотрит на меня подозрительно, его взгляд становится чуть мягче, но голос остается жестким:

— Нет. Ему плохо стало на тренировке. Упал, сознание потерял.

Мое сердце замедляется, а потом резко начинает колотиться быстрее. «Это моя вина? Это все из-за меня?» — мысли режут меня изнутри.

— Это... наверное, из-за вчерашнего! Ему нельзя было на тренировку, — выпаливаю я, слова летят быстрее мыслей.

Мужчина хмурится, сдвигая брови:

— А что было вчера?

Я пытаюсь что-то ответить, но слова застревают в горле. Чувство вины растет внутри, словно камень, и я понимаю, что сболтнула лишнего, сама себя загнав в ловушку. И как теперь из нее выбраться?

Глава 8 Кайрат

Кайрат

Такси, увозящее Мэри, исчезает из вида, а я все еще стою не двигаясь. Ветер швыряет в лицо холодные снежные иглы, словно насмешка. Глаза опускаются на землю, где что-то блестит. Телефон. Ее телефон. Весь промокший, заляпанный снегом, выключенный.

— Ну ты растяпа, — вырывается у меня, пока поднимаю этот мокрый кусок пластика и убираю в карман. Не знаю зачем. Просто чтобы был.

Ловлю тачку. Ввалившись в теплый салон, чувствую, как весь мир вдруг становится очень тяжелым. Усталость и боль накрывают с головой. Ребра ноют так, будто кто-то завел в них перфоратор. Голова кружится, все тело ватное.

Водила что-то спрашивает. Не разбираю слов, да и не пытаюсь. Мычу в ответ и отворачиваюсь. Закрываю глаза. Машина едет, убаюкивая шумом двигателя. Доезжаю до интерната, выбрасываю деньги водителю, как откуп, и захожу внутрь.

Коменда пропускает и ворчит, что я пьян и не положено. Договариваюсь со скрипом и ползу в комнату. Все, кроме Тимофея, спят. Он, как всегда, залипает в компе. Замечает меня, поднимает голову от монитора и смотрит вопросительно, но я лишь качаю головой.

— Слил...

— Бывает, — пожимает он плечами. — Сам как?

— Терпимо, — морщусь, стаскивая одежду и отдаю Фею свою находку. — Подшаманишь?

— Легко, — ухмыляется он. Для него это раз плюнуть.

Мне уже все равно. Валюсь на кровать, не переодеваясь, и засыпаю, как только голова касается подушки. Батарейка села в ноль.

Утро наступает неумолимо. Противное. Холодное. У нас режим, никого проблемы индейцев не волнуют. Голова тяжелая, ребра словно обмотаны колючей проволокой. Каждый вдох — отдельная пытка. В комнате шумно. Пацаны у окна что-то обсуждают, смеются.

— Кай, ты чего такой? — Вик, конечно, первым замечает. Он любит подначивать, а я сегодня не в духе. — Морда у тебя как у боксера после слива.

Я лишь отмахиваюсь. Нет никаких сил на разговоры.

Ползу в душ и рассматриваю себя в зеркале. Не так все и страшно. Пара ссадин и небольшой синяк на скуле. Надеяться, что тренер не заметит, глупо, а вот сочинять отмазки — это совсем не мое. Надо попросить кого-то из парней, чтобы прикрыли. Пусть лучше влетит за драку со своими.

Вик не подписывается на эту авантюру, он и так на карандаше. Фей тоже сливается. Остается Кот. У него нет права на отказ.

На тренировке концентрации ноль. Пытаюсь попасть в

ритм, но мысли скачут, как бешеные. Телефон, валяющийся в снегу. Отморозки. Лицо этой занозы. Разговор в раздевалке, который оставил неприятный осадок. Тренер словно желает помочь и ставит меня в спарринг с Котом.

Первые несколько минут держусь, но ребра напоминают о себе. Боль начинает зашкаливать. Кот ловит момент и пробивает двоечку. Удар точный, мощный. Воздух вылетает из легких, а глаза накрывает тьма.

Очухиваюсь в медкабинете. Лампа над головой ослепляет, кажется, что кто-то специально ее направил в глаза. Валерия Андреевна стоит рядом. Холодный компресс давит на висок.

— Ну что, боец, ожил? — Ее голос строгий, но в нем нет осуждения. Только усталость и искренняя тревога. Переживает за нас, это приятно греет душу. Не все черствые, как эта выскочка Снежок и ее мамаша, есть и нормальные люди.

— Да я не сильно ударил! — доносится из угла голос Кота. Он оправдывается, но и сам тоже на стреме.

— Что произошло? — шевелюсь, но тело протестует. Все будто налито свинцом.

— Ты потерял сознание, — спокойно объясняет Валерия. — Ребра подкачали. Возможно, трещина. Говорила тебе беречься, теперь вот на больничный.

Дверь распахивается, и в кабинет врывается тренер. Его взгляд будто клинок, вонзается прямо в грудь.

— Я все знаю, — говорит он коротко.

Сердце за мгновение останавливается и разгоняется до

скорости звука.

— Что знаете? — стараюсь говорить спокойно, но голос выдает волнение.

— Где ты вчера отжигал. Твоя сестра мне все рассказала! Злость накрывает, как лавина, которую невозможно остановить. Горло перехватывает спазм, а изо рта невольно вырывается.

— Вот же сука.

— То есть ты не будешь отрицать? — Антон Сергеевич прищуривается, словно ловит каждую мою эмоцию.

— А смысл? — стискиваю зубы и смотрю в потолок.

— Ты прав. Никакого. Приходи в себя и зайди в тренерскую, — бросает он на ходу и исчезает за дверью.

Вот же овца. Нахрена она приперлась? Кто ее просил? Отомстить решила? Идиотка! Как теперь все это разрулить?

Получаю от Валерии Андреевны первую помощь и рекомендации и иду сдаваться. Тренерская встречает тишиной. Я захожу, Антон Сергеевич сидит, не глядя на меня. Молчит. Дает время самому начать. Признание вины, смягчает наказание. Этому нас учат с детства.

— Да, я участвую в боях без правил. Что теперь? — Мой голос звучит грубо, вызываяюще. Но это не понты, а раздражение на самого себя. Идиотская ситуация. Так не должно было быть.

Тренер медленно поднимает голову, его глаза тяжелые, словно бетонные блоки. Взгляд давящий, как многотонная

плита. Заранее понимаю, что легким испугом не отделаюсь.

— Зачем?

— Мне нужны деньги.

— Для чего уточнять бессмысленно? — криво усмехается он, а я лишь качаю головой.

Уточнений не будет. Я не терпила, сам со всем разберусь.

— Вы все молодые и борзые. Вам всем нужны деньги. Но ты понимаешь, что делаешь? Выбрасываешь свой талант. На это больно смотреть, — чеканит каждое слово и продолжает смотреть в глаза. — Бои без правил — это дно. Если ты хочешь туда, иди. Но здесь тебе больше не место. Я отстраняю тебя. В турнире ты не участвуешь.

— Вы серьезно? — Злость вырывается наружу. Сжимаю кулаки в бессильной ярости.

— Абсолютно серьезно. У тебя будет время подумать. А пока отдыхай и восстанавливайся.

— Но Антон Сергеевич... — С губ почти слетают слова оправданий, благородная цель, которая оправдывает любые средства, но он жестом перебивает меня.

— Ты не понимаешь, что подставляешь всех вокруг, — вздыхает тяжело и буравит меня взглядом. — Сегодня ты мог умереть. А убил бы тебя Борис. Разве это справедливо?

— Конечно нет, но...

— Нет никаких «но», Кай. Я знаю вас с самого детства. Вы росли на моих глазах. Сейчас я разочарован. Я больше не могу тебе доверять. А без доверия... сам понимаешь.

Самые жестокие слова, которые только можно услышать. Пробивают броню и врезаются в сердце. Шумно втягиваю воздух и стискиваю зубы. Но сказать мне нечего. Оправдаться желание отпало напрочь

Выхожу, как на автомате. Сердце колотится, кулаки сжаты. В коридоре кто-то окрикает.

— Кай, тебя ждут.

Смотрю. Снежок. Она сидит, сжав плечи. Ее вид только злит сильнее. Все из-за нее! Все мои проблемы начались с этой блондинки!

— Это ты, да? — рычу зло, подходя ближе. — Ты рассказала тренеру. Нахрена? Теперь меня исключили из команды. Язык не держится за зубами?

— Я... Я не хотела, — мямлит девчонка, — Это случайно вышло... — Она жалобно всхлипывает, но я не слышу. Все затмевает ярость.

— Случайно?! — смеюсь, но смех выходит горьким. — Да шла б ты нахер со своими случайностями, — рывкаю я, выплескивая скопившуюся агрессию. Хватаю стоящий рядом стул и грубо отшвыриваю его в сторону.

Снежок вскакивает и убегает. Слезы текут по ее лицу, но мне плевать. Злость вырывается наружу, разворачиваюсь и впечатываю кулак в стену. Затем еще раз и еще. Костяшки болят, но это лучше, чем рвать себя изнутри.

В комнате пацаны замирают, когда я захожу. Вик, Кот, Фей — все смотрят с вопросами и, конечно, ждут ответы.

— Отстранили, — бросаю коротко.

— Фух, — выдыхает Виктор. — Ладно не выгнали.

Не могу не согласиться, но и оптимизма не разделяю. Все же подорвать доверие тренера — это высшая мера наказания. Не знаю, как дальше быть.

— Вау, — слышу восхищенный голос Фей. — Какая девочка... Танцует огонь.

Оборачиваюсь и вижу, что он держит в руках телефон Мэри. На экране проигрывается видео.

— Дай сюда, — огрызаюсь, вырывая гаджет. Швыряю его на свою кровать и заваливаюсь следом.

Пацаны переглядываются и ржут, подстебывая меня теперь еще и по поводу Снежка. Вот же проблема на мою голову.

— А я считаю, так нельзя оставлять, — подает голос Вик. — Эта девчонка разрушила твою карьеру и лишила заработка.

Ну это не совсем так все же. Но колкие фразы бальзамом поливают ущемленное самолюбие.

— Пусть расхлебывает, — подхватывает Кот. — Ее вина, ее долг, пусть теперь сама оплачивает Ахмету лечение.

Фей согласно кивает.

— Реабилитация брата теперь ее забота. Она в долгу перед тобой.

Я отмахиваюсь от друзей, но их слова застревают в голове, как гвозди. И чем дольше я думаю, тем больше понимаю, что

они правы. Все можно разыграть. Грамотно. И решить все проблемы.

Уважаемые читатели! Дайте, пожалуйста, обратную связь по роману. Как сюжет? Герои? События? Мы с Музом не понимаем, насколько интересной получается история. Помогите нам разобраться)

Глава 9 Мэри

В палате тихо, лишь мерный писк приборов разбавляет ее. Сажу у кровати отца, вцепившись в его прохладную руку. Лицо бледное, кожа натянута, а дыхание слышно только благодаря тихому шуму аппарата. Все внутри меня будто застыло. Словно каждая клетка ждет, когда он вдруг откроет глаза и скажет, что все это дурной сон.

— Папа, я... я все исправлю, обещаю. — Голос дрожит, и я ненавижу себя за эту слабость. — Я знаю, ты бы так не хотел. Но я... я что-нибудь придумаю.

Слезы сами текут по щекам, но я их не вытираю. Пусть. Пусть он видит, что я не сдаюсь, что я борюсь. Даже если это всего лишь попытка убедить саму себя.

— Знаешь, я встретила твоего сына, — говорю после долгой паузы. — Он оказался не таким, как я представляла. Грубый, злой, но... сильный. Наверное, ты бы гордился им. А еще Ахмет... Хороший мальчишка. Почему ты их бросил, пап? Мне же ты стал хорошим отцом...

Сжимаю его пальцы, глядя на аппарат, который выстукивает ровные линии. Ничего не меняется... никто не может помочь...

— Я сделаю все, что смогу. Обещаю. Ты только держись, ладно? Пожалуйста, не умирай.

Горло перехватывает, и я наклоняюсь ближе, прижимаясь

лбом к руке отца.

Совесть продолжает мучить. Все утро эти мысли меня не отпускают. Я не хотела, чтобы так получилось с Каем. Я просто... хотела поблагодарить его. Только и всего. А вышло? Новая проблема. Этот его взгляд, такой прожигающий, будто видит насквозь, и агрессия — яркая, безудержная, цепляют, как заноза, которую не можешь вытянуть. Будоражит, но отчего-то не пугает. Я совсем не боюсь Кая, но все же находиться с ним в одном периметре мне как-то нервно.

— Папа, это моя вина. Но я что-нибудь придумаю, — шепчу, крепче сжимая его холодные пальцы. Но как? Как все исправить, если Кай теперь ненавидит меня всем сердцем?

Дверь открывается, медсестра напоминает, что время посещения закончилось. Киваю, собираю остатки сил и поднимаюсь.

— Мне пора на репетицию, — зачем-то говорю. — Позже приду.

Выхожу из палаты с тяжелым сердцем. Что ж за полоса такая черная. Со всех сторон наползает мрак. Отгоняю упаднические мысли, обхватываю себя руками и спешу на улицу.

Едва успеваю переодеться к репетиции, как в зал входит педагог и включает музыку.

— Поехали, — хлопает она в ладони, ускоряя нас.

Ловлю знакомую музыку и позволяю ей спокойно течь сквозь меня. Тело двигается по инерции. Привычные движения, отточенные до автоматизма, сменяются резкими пово-

ротами и растяжками. Каждое движение словно нарисовано заранее, но внутри нет легкости. Мысли кружатся, как мячик в маленькой коробке, и сбивают ритм. Кто-то из девчонок позади оступается, но я продолжаю, стискивая зубы. Моя тень в зеркале двигается идеально, но голова гудит. Юлиана, конечно, не помогает.

— Ты только представь! Он такой мощный, такой дерзкий! Как в кино! — Ее голос щебечет, как у восторженной школьницы. А эти мечтательные взгляды...

Скриплю зубами от раздражения и останавливаюсь, делая глубокий вдох.

— Юль, хватит. Мы тут вообще-то танцуем, — бросаю через плечо, всеми силами стараясь сохранить спокойствие.

— Да ну тебя. — Она делает пару шагов вперед, а потом шутливо добавляет: — Ты же его сестра. Ну познакомь меня с ним!

— Ты серьезно? — оборачиваюсь, сверля ее недоуменным взглядом. — У тебя же Димка есть!

— Ой, ну, где какой-то там Димка и где Кай.... Ну он же такой классный. — Юлиана улыбается, словно у нее в голове уже сложился идеальный романтический сценарий. — Представляешь, какой он в постели? — Мои щеки невольно вспыхивают. Вот только представлять брата в постели мне и не хватало! Машу на лицо пальцами, чтобы хоть немного снизить градус.

— Наверняка все девчонки от него без ума. — Юля не

замолкает. — И вообще, я слышала, что такие плохие парни самые надежные.

— Ты сама себя слышишь? — раздражение прорывается в голосе. — Юль, забудь. Он... он совсем не тот, кто тебе нужен.

Кусаю губы, судорожно подбирая аргументы, но, как назло, ничего стоящего придумать не получается.

— А вот это уже интересно! — Юля оборачивается и заглядывая мне в глаза. — Он что, в мафии? Или... о, может, он тайный супергерой?

— Господи, Юля! — театрально вскидываю руки, пытаюсь разогнать напряжение. — У него просто тяжелый характер, и все. И вообще, у нас сейчас «репа», если ты не заметила.

— Ну ладно, не дуйся, — фыркает она, но я вижу, как ее глаза блестят от неподдельного интереса. — Просто подумай, окей? Может, познакомишь меня с ним... случайно.

Я качаю головой, возвращаясь к танцу, но раздражение остается. Мало мне было Кая, теперь и лучшая подруга на его стороне.

Домой возвращаюсь с надеждой, что хотя бы там будет тихо. Но в гостиной уже собрались гости. Важные. Мать устроила ужин для чиновников и их семей. В воздухе витают запахи дорогого алкоголя и еды, но мне все это кажется чужим. Люди улыбаются так натянуто, что кажется, будто их лица вот-вот треснут.

Сын одного из них выделяется — темноволосый, с черны-

ми глазами и хищным взглядом, который кажется слишком пронзительным, чтобы быть случайным. Его представляют как Рафаэля Старовича. Он галантно пожимает мою руку, но его улыбка едва заметна, больше похожа на оскал, чем на приветствие. Я чувствую, как этот взгляд буквально прожигает меня, изучает, оценивает.

— Рафаэль, — представляется он, его голос глубокий, звучит мягко, но в то же время завораживает своей холодностью. — Рад знакомству, Мэри.

— Взаимно, — отвечаю, стараясь улыбнуться в ответ, но получается слишком натянуто.

Взгляд Рафаэля ни на секунду не отпускает меня, словно ловит каждую эмоцию, каждый жест. От этого становится не по себе. В голове мелькает одна мысль: «Вампир. Настоящий вампир».

— Ты давно живешь здесь? — Его голос звучит вкрадчиво, словно он знает обо мне больше, чем я могу себе представить.

— Всю жизнь, — отвечаю коротко, чувствуя себя пойманной в сети его внимания.

— Хорошо. Это дает определенные преимущества. Связи в городе всегда важны. — В его словах явно слышится практичность и вызывает недоумение.

Его манера говорить заставляет насторожиться. Как будто он ведет не разговор, а партию в шахматы, продумывая каждый ход.

— Как ты представляешь свое будущее? — вдруг спрашивает Рафаэль, и я на мгновение теряюсь.

— В смысле? — переспрашиваю, чтобы выиграть время.

— Ну, через пять, десять лет. Чего ты хочешь добиться? Какие у тебя цели? — Он смотрит прямо на меня, и я невольно ощущаю себя участником собеседования.

— Я хочу танцевать, — говорю совершенно искренне. — Выступать на сцене, участвовать в крупных постановках.

— Амбициозно, — отмечает он, и я не могу понять, то ли он одобряет, то ли едва заметно насмехается. — И какой план? Как ты собираешься достичь цели?

— Учеба, репетиции, конкурсы... — Я замолкаю, осознавая, что звучит это не так уверенно, как хотелось бы.

— Хорошо. Главное — видеть цель. Но помни: без связей в этой индустрии далеко не уйти.

Его слова звучат обескураживающе, словно он заранее ставит под сомнение мои шансы.

— А что важно для тебя? — решаюсь спросить, чтобы хоть немного сменить тему.

— Я? — Тон Рафаэля становится чуть теплее, но глаза остаются холодными. — Ценности, которые приводят к успеху. Дисциплина, умение просчитывать риски и... полезные партнеры.

Последние слова звучат почти угрожающе, и мне становится не по себе. Ощущение, что я в центре его изучения, не покидает ни на секунду.

Сажусь за стол, как велела мать. Стараюсь держаться прямо, но руки все время тянутся к бокалу с водой. Разговоры гостей о политике и финансах — как монотонный фон. Я даже не пытаюсь слушать. Внутри все сжимается от желания встать и уйти. Сбежать от этого фарса. Я очень устала, хочется отдохнуть. Запоздало вспоминаю, что телефон потеряла, а новый купить так и не нашла время. Придется снова доставать планшет.

— Это хороший союз. — Голос матери вырывает меня из мыслей.

Поднимаю глаза, чувствуя, как напряжение обрушивается волной. Все смотрят на меня.

— Союз? — шепчу, надеясь, что ослышалась.

Мать бросает на меня короткий взгляд.

— Вы с Рафаэлем составите идеальную пару. Успешный молодой человек и... моя дочь. — Она улыбается, словно это самая обычная вещь на свете.

У меня перехватывает дыхание.

— Ты хочешь, чтобы я вышла замуж? — слова срываются, едва громче шепота.

Мать наклоняется ближе, ее взгляд ледяной.

— Мэри, не драматизируй. Это всего лишь разговор. Но ты должна понимать: в жизни нужно делать правильный выбор.

Хочу закричать, но голос застревает где-то в горле. Грудь сдавливает, и я чувствую себя загнанной в угол. В этот мо-

мент звонок в дверь кажется спасением. Горничная входит, прерывая напряженный момент и подходит к матери.

— Простите, это к вам.

Мать встает, грациозно извиняется и выходит. Я за ней, но останавливаюсь около двери. Из коридора доносятся голоса, но они тихие, неразборчивые. Пока не улавливается знакомый, насмешливый тон.

— Ты-ы? — шипит раздраженно мать.

— Вчера ночью ваша дочь оставила у меня свой телефон.

— Голос Кая звучит спокойно, но в нем угадывается привычная издевка. — Передайте ей.

— Что? — Мама задыхается от возмущения и удивления.

— Ночью?

Что он несет? Сволочь! Гад! Подставляет меня перед матерью! Она же меня убьет. По спине медленно ползет холод. Я выглядываю из столовой. Кай слишком довольнo улыбается маме. Наши с ним глаза на мгновение встречаются, и мне кажется, где-то на ментальном уровне происходит взрыв.

Глава 10 Кайрат

Кайрат

Телефон Мэри отремонтирован. Фей отфлеячил его так, что выглядит как новый. Смешно, как мелочь вроде этого может стать инструментом мести. Но совершенно точно может. И сегодня я это докажу.

Не знаю, зачем мне это надо. Наверное, просто чтобы сбить этих зажавшихся сук с пьедестала совершенства, на который они каким-то хреном забрались. Адреналин щекочет нервы, и мысль устроить небольшой хаос кажется если не правильной, то хотя бы веселой.

Такси останавливается у ворот дома Мансуровых. Узнать адрес труда не составило, даже не интересно совсем. Кидаю водиле деньги, выхожу из тачки и направляюсь к двери, не сбавляя шаг. Нажимаю на звонок с такой уверенностью, будто этот дом принадлежит мне. Хотя чем черт не шутит.

Дверь открывает горничная, явно удивленная моим появлением. Она смотрит на меня, как на привидение. И это забавно.

— К Луизе Алексеевне, — говорю просто, ухмыляясь.

Она молча кивает и исчезает. Через минуту появляется сама Луиза, ее взгляд — гремучая смесь раздражения и растерянности.

— Ты? — шипит она, но тон звенит, как струна, готовая лопнуть. — Что ты тут делаешь? — В ее голосе больше шока, чем злости, и это меня забавляет еще больше.

Я вытягиваю из кармана телефон и с легкой усмешкой протягиваю ей.

— Вчера ночью ваша дочь оставила у меня свой телефон, — говорю с издевкой. — Передайте ей.

— Что? — Она задыхается от возмущения. — Ночью?

Глаза Луизы округляются, словно вот-вот вывалятся из орбит, а потом в них вспыхивает пламя ярости. Она вырывает телефон так резко, будто я ей бомбу подал. Лицо краснеет, губы сжимаются в тонкую линию, а взгляд — чистая ненависть.

— Если ты посмел хоть пальцем прикоснуться к моей дочери... — цедит сквозь зубы и едва не тыкает в меня указательным пальцем.

Мне почти физически больно не рассмеяться вслух. Примерно такой реакции я и ожидал. Хотя получилось даже лучше. Я замечаю, как за ее спиной мелькают улыбающиеся лица гостей. В голове сразу рождается язвительная мысль, и я не могу ее сдержать.

— О, у вас гости, — говорю, оглядываясь на столовую. — А тут я, блудный пасынок, явился. Наверное, не вовремя, да?

Лицо Луизы искажает новая волна гнева, но, прежде чем она успевает что-то сказать, я продолжаю.

— Вернул в целости и сохранности. Можете поблагода-

ритель потом.

— Что за чушь?! Ты думаешь, я поверю этому бреду? —
Голос становится ледяным.

— Ну если не веришь, спроси у дочери, — киваю в сторону двери, где стоит Снежок.

Она замирает, видя меня, и ее лицо мгновенно меняется. Растерянность, паника, злость — все смешивается в одном взгляде. А меня словно кипятком окатывает.

— Что ты здесь делаешь? — тихо рычит Снежок.

— Вернул твой телефон, — говорю спокойно, будто это ничего не значит.

— Мэри! — Луиза поворачивается к дочери, ее взгляд становится острым, как лезвие. — Это правда? Ты была у него?

Мэри судорожно качает головой, поднимая руки, будто пытается построить невидимую стену между собой и яростью матери.

— Нет! Это неправда! Я не была у него! — Ее голос дрожит, как тонкий лед. — Скажи ей! Скажи, что это ложь!

Я только усмехаюсь, скрещивая руки. Интересно наблюдать за паучихами в банке. Но все меняется в долю секунды. Луиза размахивается и с силой припечатывает ладонь к щеке дочери. Удар звонкий, но в тишине звучит как выстрел.

Я вздрагиваю. Внутри что-то взрывается. Тело напрягается, кулаки сжимаются, будто сами хотят ответить ей. Но я едва сдерживаюсь, чтобы не перейти грань. Глубоко дышу,

стискивая зубы до скрипа. Мне больше не смешно...

— Ты меня позоришь! — шипит Луиза. — Иди в свою комнату! Немедленно!

Снежок прижимает руку к щеке, ее глаза наполняются слезами. Она смотрит на меня с такой болью и ненавистью, что я на мгновение чувствую, как холод пробирает до костей. Но она молчит, разворачивается и выбегает из коридора. А я, кажется, даже не дышу.

Мне впервые за долгое время становится не по себе. Что-то внутри сжимается. Но я отмахиваюсь от этого чувства и поворачиваюсь к Луизе.

— Знаешь что? Я пришел с миром. Давай поговорим.

— О чем с тобой говорить? После этого. — Ее голос дрожит от ярости.

— Об операции твоего мужа. Донорстве. Моих условиях. — Я говорю ровно, не давая шанса перехватить инициативу.

Ее глаза прищуриваются, и, не говоря ни слова, она указывает на дверь кабинета.

— Заходи.

Я устраиваюсь в кресле, откидываюсь, словно это трон, а не очередной символ их богатой жизни. Взгляд скользит по массивным книжным полкам, тяжелому столу и картинам. Пустая показуха. Все это не про меня.

Луиза садится напротив, лицо ее напряжено, глаза сверкают ледяной яростью. Но она пытается держаться.

— Так вот. Я готов пройти обследование, — начинаю спо-

койно, скрещивая руки на груди. — Но у меня есть условия. Ее глаза прищуриваются, как у хищника перед атакой. — Какие еще условия? Это вопрос жизни и смерти! — психует она.

Я наклоняюсь чуть ближе, едва заметно усмехаясь.

— А мне плевать, выживет он или сдохнет.

Пусть почувствует, кто здесь сейчас задает правила.

— Ахмет и я переезжаем сюда. Полностью. Ему нужна реабилитация, и я не собираюсь бороться с системой, чтобы вытягивать его в одиночку. Здесь у него будут все условия и лучшие врачи. За ваш счет, естественно.

Лицо Луизы заливается краской, будто я только что предложил ей поселить у себя роту солдат.

— Ты смеешься? Вы... вы... не можете жить здесь! Это абсурд! — Ее голос поднимается на октаву выше.

— Тогда ищи другого донора, — бросаю я, глядя прямо в ее надменные глаза. — Твой выбор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.